**Н. Ю. ЧАЛИСОВА**

**Чалисова Наталья Юрьевна**
*кандидат филологических наук*
*старший научный сотрудник,*
*Лаборатория востоковедения, ШАГИ РАНХиГС*
*Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82*
*Тел.: +7 (499) 956-96-47*
*E-mail: chalisova@hotmail.com*

# «СИЛА МОЯ ОТ ГОЛОДА, А СЛАБОСТЬ — ОТ СЫТОСТИ»: ЖИТИЕ САХЛА ТУСТАРИ

***Аннотация***. Публикация включает перевод на русский язык 28-й главы из персидского агиографического сборника «Поминания друзей Божиих» ʻАттара (ум. 1221). Глава посвящена событиям подвижнической жизни и проповедническим речениям толкователя Корана и суфийского шейха Сахла ат-Тустари (ум. 896). Это первый перевод данного текста на русский язык непосредственно с оригинала (по критическому изданию М. Эстеʻлами). Он снабжен историко-филологическим комментарием и предварен кратким введением, содержащим информацию о месте шейха в традиции арабского суфизма и особенностях его «иранского» житийного портрета у ʻАттара. Подвижничество Сахла (постоянство в покаянии, голоде и уповании на Бога) описано пространно и подкреплено цитатами из наставлений, тогда как о разработанном им способе толкования Корана «по внутреннему смыслу» упомянуто лишь намеком.

***Ключевые слова***: Иран, ислам, суфизм, агиография, Фарид ад-Дин ʻАттар

Сахл б. ʻАбдаллах ат-Тустари (ум. 896), суфийский шейх из Тустара (Хузистан), толкователь Корана и наставник ряда знаменитых суфиев, в том числе — Мансура Халладжа, принадлежит к наиболее известным представителям басрийской аскетико-мистической школы. Из многих приписываемых ему сочинений до наших дней дошли коммен-

© Н. Ю. ЧАЛИСОВА

тарий к Корану (*Tafsīr al-Tustarī*)[1] и сборник речений[2] (обе работы записаны его учениками); сведения о деяниях и речениях Сахла включены в большинство авторитетных арабо- и персоязычных сводов суфийских биографий, а также во многие труды по истории и догматике суфизма[3]. Известно, что шейх провел детство и юность в Тустаре. Он изучал хадисы под руководством своего дяди Мухаммада б. Саввара, который передавал их от лица шейха Суфйана ас-Саури[4], а свою суфийскую «родословную (*силсила*) возводил к Зу-н-Нуну Мисри, с которым встречался всего однажды» [Кныш 2004: 95], но состоял, согласно ʻАттару, в особой духовной связи — так называемом согласии (см. перевод жития). Среди его наставников был также некто Хамза ал-ʻАббадани, живший в суфийской обители на острове ʻАббадан в Персидском заливе. С ее посещением связан важный эпизод биографии Сахла, о котором он упоминает в своем комментарии к Корану: после многодневной аскезы и молитвы он увидел величайшее имя Бога (*ism Allāh al-aʻẓam*), начертанное на небесах зеленым светом[5]. В тексте «Поминания Сахла» у ʻАттара об этом видении не упоминается, рассказано лишь о том, как у юного подвижника в возрасте 12 лет возник «трудный вопрос», за разрешением которого он направился сначала в Басру, а затем — на ʻАббадан. Там он получил ответ у Хабиба б. Хамзы и обрел от него много пользы.

Вернувшись в родной Тустар, Сахл вел жизнь подвижника, подвергая себя суровым испытаниям, в особенности — голоду. Провидев внутренним зрением, что его наставник Зу-н-Нун скончался, он начал проповедовать сам и приобрел учеников во главе с Мухаммадом б. Салимом (ум. 909), который стал впоследствии активным распространителем идей своего учителя[6]. В 877 г. из-за разногласий с местными богословами, вызванных, по мнению ʻАттара, слишком суровой аскезой Сахла, он переехал в Басру, где его тепло принял ханбалитский правовед Абу Давуд ас-Сиджистани. Однако и здесь Сахл оказался в центре скандала. Провозгласив себя «аргументом Бога» (*ḥujjat allāh*), он навлек на себя гнев шафиитских правоведов, обвинивших его в ереси и вероотступничестве. Скончался Сахл ат-Тустари в Басре, окруженный многочисленными учениками и последователями.

На значимость фигуры Сахла для ʻАттара указывает и большой объем его жизнеописания, и степень подробности, с которой поданы лейтмотивы его наставничества. Житийный портрет шейха из Тустара написан с опо-

[1] См. английский перевод [Tustarī 2011]; во введении А. Килер [Ibid.: xv–lx] собраны сведения об учителях и последователях Сахла, о его проповеднической деятельности, а также о теологии и принципах подхода к толкованию Корана.

[2] Издана одна из трех частей сохранившейся рукописи, см. [Tustarī 1980].

[3] См. подробнее: [EI², ст. «Sahl al-Tustari» (G. Böwering)].

[4] См. о нем во введении Л. Г. Лахути к переводу житий Суфйана Саури и Шакика Балхи в этом номере журнала.

[5] Впоследствии Сахл написал «Трактат о буквах» (*Risālat al-ḥurūf*), где буквы арабского алфавита, которыми записан Коран, рассматриваются как *uṣūl al-ašyā* — принципы или «основы» всех сотворенных вещей, см.: [Gaafar 1966].

[6] См. подробнее [Tunç 1970].

рой на арабские образцы, но отнюдь не копирует их. Арабские агиографы представляли Сахла как ученого мужа, соединившего *шариат* (мусульманский закон) и *хакикат* (истину, суфийство), как толкователя Корана и мистика. ʻАттар, вслед за своим персидским предшественником Худжвири[7], выражает (в зачине жития) недоумение относительно такой формулировки, ведь «*хакикат* — это масло *шариата*, а *шариат* — ядро *хакиката*», их связь для него преемственна и несомненна. Однако далее деятельность Сахла на поле *шариата*, вызывавшая многочисленные обвинения в вероотступничестве, никак не отражена в тексте. Не упомянуты идеи Тустари, связанные с истолкованием коранического «айата о свете» (Коран 24: 35)[8], а разработанное им учение об истолковании строк Корана «по внутреннему смыслу» (*ta'vīl*), позволяющее связать коранические цитаты с мистическими переживаниями, представлено лишь намеками — упоминаниями о внимании шейха к «внутреннему знанию» (*ʻilm-i bāṭin*). Подвижничество Сахла на пути *хакиката*, наоборот, показано детально и в двух взаимодополняющих ракурсах — событийном и риторическом. К лейтмотивам житийной истории шейха прежде всего относятся «покаяние» и «голод». Покаяние (*tawba*) — это и первое состояние, которое нужно начинающему, и то, что сопровождает каждый шаг искателя истины. Испытание голодом умаляет телесные силы и пробуждает духовные, помогая не сбиться с верного пути. С раннего детства Сахл почти ничего не ел, он постился, не разговляясь, до 25 дней подряд, а говорили, как прибавляет ʻАттар, что доходило и до 70 дней. Ведь «кто голодал, — наставлял шейх учеников, — вокруг того не вертится шайтан по велению Бога (*велик Он и славен!*)». Вместо телесной пищи Сахл обильно потреблял сам и призывал муридов потреблять пищу духовную, т. е. постоянно предаваться поминанию Бога — *зикру*: «Всякий, кто переходит от вдоха к вдоху без поминания Бога (*велик Он и славен!*), понапрасну растрачивает собственную жизнь!» Именно с помощью *зикра* человек «вспоминает» о предвечном договоре, который, согласно Корану (Коран 7: 172), Господь заключил с душами потомков Адама (в душе Сахла память о нем пробудилась, еще когда он находился в утробе матери).

Постоянному поминанию божественного имени и покаянию должно сопутствовать полное упование (*tavakkul*) на Бога, разрывающее все связи взыскующего с его мирским окружением; афористическое определение *tavakkul*, данное Сахлом, вошло в традицию: «Первая стоянка в уповании — та, на которой ты перед Мощью [Бога] подобен трупу в руках обмывальщика трупов».

К особенным чертам Сахла, запечатленным у ʻАттара, относится прежде всего его смиренная скромность, готовность к самоумалению и признанию заслуг других. Как и прочие великие «мужи Пути», он в высокой

[7] См. краткую главку в трактате «Раскрытие скрытого» [Худжвири 2004: 138–139].
[8] См. подробнее [Böwering 1980; Кныш 2004: 98].

степени был наделен даром чудотворения, однако желал скрывать свои чудеса. Так, он с легкостью ходил по воде, но, как рассказывали очевидцы, чуть не утонул в небольшом водоеме. На протяжении всей жизни он ощущал, что у него внутри — арена борьбы между духовным сердцем и «низшей душой» (*nafs*). Последнюю неустанно следует подвергать суровому воспитанию голодом и прочими аскетическими практиками, поскольку «всякий, кто дружит со своей низшей душой, сделал Бога своим врагом!» При этом ʻАттар мастерски аранжирует концовку жития, демонстрируя, какой духовной силой на самом деле был наделен смиренный Сахл: на смертном одре он в назидание ученикам и к их немалому возмущению оставляет своим наследником гебра, который затем разрывает пояс иноверца и принимает ислам, а уже покоясь на погребальных носилках, обращает в мусульманскую веру почтенного еврея.

## Поминание Сахла б. ʻАбдаллаха ат-Тустари (*да будет с ним милость Божия!*)[9]

Тот странник по пустыне истины, тот ныряльщик в море истины, та гордость великих мужей, тот высящийся над умами, вожак и путеводитель в пути, Сахл б. ʻАбдаллах ат-Тустари (*да будет с ним милость Божия!*), принадлежал к прославленным суфиям (*ahl-i taṣavvuf*) и великим мужам этого племени. В этом деле (*šīva*) он был муджтахидом[10], и в свою эпоху он был султаном пути и доказательством истины. Его доказательства [истины] многочисленны. В перенесении голода и бессонницы он достиг высокой степени. Принадлежа к ученым шейхам, он был имамом своего времени и пользовался всеобщим почтением. В подвижничестве и чудотворении ему не было равных, в [правильном] поведении и указаниях — замены, а в истинах и тонкостях [учения] — подобия. Представители внешнего знания[11] говорят, что он соединил *шариат* и *хакикат*. Это странно, ведь они оба и так составляют одно, потому как *хакикат* — это масло *шариата*, а *шариат* — ядро *хакиката*.

Его старцем был Зу-н-Нун Мисри[12], он встретил его (Зу-н-Нуна. — *Н. Ч.*) в год, когда отправился в хадж. Ни с каким шейхом не случалось в самом детстве такого, как с ним. Передают даже, что он рассказал: «Я помню, что Истинный

---

[9] Перевод выполнен по изданию [ʻAṭṭār 2007: 263–280]. Все переводы арабских фрагментов текста выделены курсивом.

[10] Муджтахид (*mujtahid*, букв. «старающийся, прилагающий усилия») — термин мусульманского права (фикх): законовед, наделенный правом выносить самостоятельные решения по вопросам фикха, в шиитском исламе — высший духовный авторитет, предводитель общины, см.: [ИЭС, ст. «Муджтахид» (О. Г. Большаков)].

[11] В оригинале — *ʻulamā-yi ẓāhir*, ученые-богословы, факихи и комментаторы Корана «по внешнему смыслу», в отличие от ученых-суфиев, представляющих «внутреннее, скрытое» (*bāṭin*) знание.

[12] Зу-н-нун Мисри (ум. 859) — Саубан б. Ибрахим по прозвищу Зу-н-Нун (букв. «он с рыбой»), одна из наиболее ярких фигур в истории раннего суфизма; с именем Зу-н-Нуна традиция связывает разработку концепта *маʻрифа* — интуитивного познания Бога, в противопоставление ʻ*илм* (рациональному познанию), см. о нем: [Шиммель 1999: 41–45]; «Поминание Зу-н-Нуна» см.: [ʻAṭṭār 2007: 118–137].

(*возвышен Он!*) вопросил: “*Разве не Господь ваш Я*?” Я сказал: “*Да*”[13]. В утробе матери своей я помню». Сказал: «Мне было три года, я встал ночью и смотрел[14] на молитву моего дяди, Мухаммада б. Саввара, он тоже не спал. Он сказал: “Это ты, Сахл? Иди спать, ты отвлекаешь мое сердце, я тайно и явно предавался созерцанию Его!”» Потом вышло так, что он сказал своему дяде: «Я в тяжком состоянии, я вижу, будто голова моя опущена в земном поклоне перед ʻАршем[15]». [Дядя] сказал: «О дитя! Держи в тайне это состояние и никому не говори!» Потом сказал: «Запомни хорошенько, когда ты в постели переворачиваешься с боку на бок и язык твой не ворочается, говори: “Бог со мной, Бог наблюдает за мной, Бог мой свидетель!”» Рассказывал: «Я говорил так, рассказал ему об этом. Он сказал: “Каждую ночь говори по семь раз!” Я рассказал, [что так и сделал]. Он сказал: “Каждую ночь пятнадцать раз говори!” Я стал так повторять, и от этого в моем сердце явилась некая сладость. Когда прошел год, мой дядя сказал: “Блюди то, чему я научил тебя, и придерживайся этого всегда, пока не сойдешь в могилу, и в сей жизни, и в последующей ты пожнешь от того плоды!”»

Еще он сказал: «Прошли годы, я все так же повторял, чтобы сладость от этого появлялась в моем сердце. Потом мой дядя сказал: “О Сахл! Тот, с кем пребывает и кого видит Бог (*велик Он и славен!*) — как он может грешить против Бога?! Да не согрешишь ты!” Я вновь уединился. Потом меня отправили в школу. Я сказал: “Боюсь, что моя внутренняя сила (*himmat*) рассеется. Условьтесь с учителем, что некоторое время я стану проводить с ним и что-то изучать, а потом буду возвращаться к своему делу!” С этим условием я пошел в школу и изучил Коран. В семилетнем возрасте я постоянно постился, и пищей моей был ячменный хлеб. В двенадцать лет мне попался трудный вопрос, который никто не мог разрешить. Я пожелал, чтобы меня послали в Басру, где я бы расспросил об этом. Я прибыл туда и стал расспрашивать ученых мужей Басры. Никто не дал мне ответа. Я добрался до ʻАббадана[16], до человека, которого звали Хабиб б. Хамза. Я спросил его. Он ответил. Некоторое время я провел подле него и обрел от него многие пользы. Потом я пришел в Тустар и питался тем, что для меня купили на один дирхем ячменя, смололи и испекли хлеб. На исходе каждой ночи я разговлялся [кусочком хлеба] весом в одну унцию[17], без похлебки и без соли. Одного дирхема мне хватало на целый год[18]. Потом я решил разговляться через каждые три дня. Потом я достиг пяти дней [полного поста], потом — семи, потом — двадцати пяти. — А передают, что дошло до семидесяти дней![19] — Порой бывало, что за сорок дней я съедал зер-

[13] Цитаты из айата (Коран 7: 172) о предвечном договоре: «И вот, Господь твой извлек из сынов Адама, из спин их, их потомство и заставил их засвидетельствовать о самих себе: “**Разве не Господь ваш Я**?” Они сказали: “**Да**, мы свидетельствуем...” Чтобы вы не сказали в день воскресения: “Мы были небрежны к этому”».

[14] В оригинале *hamīgiristī* ‘плакал’, перевод дан по исправлению *mīnigaristamī* ‘я смотрел’, предложенному М. Эсте‘лами на основании сличения пассажа с персидским переводом «Рисала» Кушайри [ʻAṭṭār 2007: 788].

[15] ʻАрш — трон Бога, не имеющий описания, неоднократно упоминается в Коране, см., например: (Коран 11: 7; 69: 17).

[16] ʻАббадан (*ʻabbādān*) — остров в Персидском заливе, где возник *рибат*, одна из ранних суфийских обителей, в связи с появлением там аскета по имени ʻАбд ал-Вахид б. Зайд (ум. 793); рибат обрел славу уже после его смерти [Тримингэм 1989: 18].

[17] Унция (*vuqiyya*) — мера веса, равная семи мискалям.

[18] Способность терпеть голод и отсутствие сна — важная черта подвижничества Сахла, она отмечена уже в риторическом зачине.

[19] Вставка от автора — ʻАттара.

нышко миндаля». Сказал: «В течение нескольких лет я пробовал сытость и голод. Вначале слабость моя была от голода, а сила — от сытости. По прошествии времени сила моя была от голода, а слабость — от сытости. Тогда я сказал: "О Боже, закрой глаза Сахлу и на то, и на другое, чтобы он видел благодаря Тебе сытость в голоде и голод в сытости!"» Его посты большей частью приходились на [месяц] ша'бан[20], поскольку большинство известий дошло про ша'бан. Когда наступал месяц рамазан, он ел что-то один раз, а бодрствовал дни и ночи напролет.

Однажды он сказал: «Покаяние (*tawba*) — обязанность раба всякого, будь он высокородный или простой, послушный или грешный». В Тустаре был человек, которому приписывали воздержание и ученость. Сахл выступил против него с такими словами: «Грешнику подобает каяться в грехе, а послушному — в послушании!» Обычным людям его образ жизни показался дурным. Они приняли его состояния (*aḥvāl*) за противодействие [обычаю] и обличили его в ереси перед простым людом и знатными мужами. А он не склонен был спорить с ними, ибо они отвлекали его [сердце от Бога] (*tafriqa mīdādand-aš*). Его удерживал религиозный пыл. Все, что у него было, — землю, недвижимость, утварь, ковры, посуду, золото и серебро — он записал на клочках бумаги, собрал людей и высыпал эти клочки им на головы. Каждый схватил какой-то клочок, и он каждому отдал то, что было написано на его бумажке. В благодарность за то, что приняли от него мирское. Когда он все раздал, то отправился в Хиджаз[21]. Своей низшей душе (*nafs*) он сказал: «О низшая душа! Я стал нищим. Больше ничего у меня не требуй — не получишь!» Душа условилась с ним: мол, не буду. Когда он достиг Куфы, низшая душа сказала ему: «До сих пор я у тебя ничего не просила. Теперь дай мне кусочек хлеба и рыбы, чтобы я поела и больше тебя не утруждала до самой Мекки». Он вошел в Куфу. Увидел мельничный жернов[22], к которому был привязан мул. Он спросил: «За сколько в день нанимают этого мула?» Сказали: «За два дирхема». Шейх сказал: «Отпустите мула и впрягите меня, а к вечернему намазу дадите один дирхем!» Мула отпустили, а шейха привязали к жернову. Вечером ему дали один дирхем. Он купил хлеба и рыбы, положил перед собой и сказал: «О низшая душа! Затверди себе — всякий раз, как ты захочешь чего-нибудь от меня, тебе, чтобы получить желанное, придется с утра до вечера выполнять работу скота».

Потом он дошел до Ка'бы, остановился там и встретился с шейхами. Потом он опять направился в Тустар — и [по дороге] встретил Зу-н-Нуна.

Он никогда не опирался спиной о стену и не вытягивал ноги. Он не отвечал ни на один вопрос и не всходил на кафедру [мечети]. Четыре месяца у него был перевязан палец на ноге. Один дервиш спросил у него: «Что случилось с твоим пальцем?» Он сказал: «Ничего не случилось». Потом дервиш ушел в Египет, к Зу-н-Нуну. Увидел его с перевязанным пальцем на ноге. Спросил: «С твоим пальцем что случилось?» Тот сказал: «Разболелся». [Дервиш] спросил: «Когда это началось?» [Зу-н-Нун] ответил: «Уже четыре месяца». [Дервиш] рассказывал: «Я посчитал — [палец Сахла заболел] как раз в то время, когда у Зу-н-Нуна началась боль — это означает, что необходимо согласие[23] — и рассказал о проис-

[20] Ша'бан — восьмой месяц лунного календаря, предшествует месяцу поста — рамадану (перс. рамазан).

[21] Сахл отправился в хадж: в Хиджазе находится Мекка, священный город мусульман.

[22] Мельничный жернов (*xarās*) — мельница, приводимая в движение рабочим скотом — ослом или мулом.

[23] Ремарка автора; согласие (*muvāfaqat*) — духовное общение и особая духовная связь между суфиями, образцом *muvāfaqat* считается эпизод из жития Увайса Карани, который выбил себе все зубы, чтобы быть в «согласии» с Пророком, который потерял зуб в битве при Ухуде, а какой именно, Увайс, никогда не видевший Мухаммада, не знал, см.: ['Aṭṭār 2007: 20].

шедшем. Зу-н-Нун сказал: «Есть еще кто-то, кому ведома наша боль и кто состоит с нами в согласии!»

Рассказывают, что однажды он уединился, впал в уныние и сказал: «*Спросите меня, что вам предстоит*». Сказали: «Прежде ты так не поступал!» Сказал: «Пока наставник жив, ученику надлежит быть вежливым». Записали дату [события], в это же время скончался Зу-н-Нун.

Рассказывают, что ʻАмр-и Лайс[24] заболел, да так, что все врачи оказались бессильны вылечить его. Сказали: «Тут — дело для того, кто вознесет [подобающую] молитву!» Сказали: «Молитвы Сахла бывают отвечены!» Его позвали, и он исполнил повеление *обладателей власти*[25]. Усевшись подле него (ʻАмра. — *Н. Ч.*), он сказал: «Молитва лишь за того бывает отвечена, кто предается раскаянию, а у тебя в темнице находятся притесняемые!» [ʻАмр] освободил всех и покаялся. Сахл сказал: «О Боже! Как ты явил ему низость его прегрешения, покажи ему достоинство моего послушания! Как облачил его внутренне (*bāṭin*) в одежду раскаяния, облеки его внешне (*ẓāhir*) в одежду благополучия!» Только он закончил это моление[26], как ʻАмр-и Лайс тут же сел и обрел здоровье. Он пожаловал ему (Сахлу. — *Н. Ч.*) много даров, но тот ничего не взял и ушел оттуда. Один мурид спросил: «Не лучше ли было бы, если бы ты принял что-то, чтобы мы отдали это в уплату за долги?» Он сказал мурид: «Тебе нужно золото?» Тот мурид глянул — видит, что вся долина и степь кругом покрылась золотом, а мелкие камни стали рубинами. [Сахл] сказал: «Тому, у кого от Бога бывает такое состояние, зачем брать что-то у сотворенного?!»

Рассказывают, что, когда Сахл слышал *сама‘*[27], его охватывал экстаз. Он пребывал в этом экстазе двадцать пять дней и не ел пищи. Если была зима, он исходил таким потом, что у него промокала рубаха. Если к нему в таком состоянии обращались с вопросом ученые мужи, он говорил: «Не спрашивайте меня, ибо вам от меня и от моих слов в это время не будет никакой пользы!»

Рассказывают, что он ходил по воде, и его ноги не намокали. Спросили: «Ты ходишь по воде?» Он ответил: «Спросите у муэдзина этой мечети, он — человек правдивый». [Кто-то] рассказал: «Я спросил. Муэдзин сказал: “Я этого не знаю, но на днях он подошел к хоузу[28], чтобы совершить омовение, упал в хоуз и, если бы не я, там бы и помер”. Шейх Абу ʻАли Даккак[29] (*да будет с ним милость Божия!*) сказал: “Ему присуще много чудес, но он желал скрывать свои чудеса”».

---

[24] ʻАмр б. Лайс Саффари — второй правитель из систанской династии Саффаридов (861—900), правил в 878—901 гг.

[25] Аллюзия к (Коран 4: 59): «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти (*awlī al-amri*) среди вас. Если же вы препираетесь о чем-нибудь, то верните это Аллаху и посланнику, если вы веруете в Аллаха и в последний день. Это — лучше и прекраснее по исходу».

[26] Моление (*munājāt*) — излияние сокровенных помыслов в молитве, обращенной к Богу, внутренний аспект духовного общения с Богом, см.: [Худжвири 2004: 381].

[27] *Сама‘* (*samā‘*, букв. «слушание», частично соответствует «радению») — элемент суфийской практики, собрание суфиев, сопровождающееся музыкой, исполнением газелей и танцами, во время которого участники доводят себя до состояния мистического экстаза; об элементах и правилах *samā‘* , а также различных мнениях об этой практике см.: [Худжвири 2004: 395– 424].

[28] Хоуз — небольшой искусственный водоем, маленький бассейн, в частности, на территории мечети, во дворе дома.

[29] Абу ʻАли Даккак (ум. 1015) — знаменитый суфийский шейх и учитель, возглавлял религиозную школу (медресе) в Нишапуре.

Рассказывают, что однажды он сидел в мечети. Тут, истомленный жарой, упал голубь. Сахл сказал: «Умер Шах-и Кирман[30]». Когда навели справки, оказалось, что так и было. Один достойный муж рассказал: «В пятницу перед намазом[31] я пришел к Сахлу. В том доме была змея. Я испугался, сказал: “Мне страшно!” Он сказал: “Входи! Кто боится того, что на земле, не достигнет истины в вере!” Он спросил меня: “Что ты скажешь о пятничном намазе?” Я ответил: “Между нами и мечетью — сутки пути”. Он взял меня за руку, потом я посмотрел — вижу себя в пятничной мечети. Я помолился и вышел. Стал смотреть на тех людей, [что там были]. [Сахл] сказал: “Людей, [исповедующих] *нет бога, кроме Бога*, множество, а искренних — мало!”»

Рассказывают, что львы и дикие звери приходили к нему, он давал им еду и уделял им внимание. По сей день дом Сахла в Тустаре называют «Дом диких зверей».

Из-за того что он очень много стоял и, предаваясь подвижничеству, оставался на месте, у него началось жжение от [удержания] мочи, так что по несколько раз в час ему надо было по нужде. Он всегда имел при себе сосуд. Но когда наступало время молитвы, он шел в другое место, совершал очищение и творил намаз. Когда он поднимался на кафедру, все жжение прекращалось, и боль в ногах ослабевала, а когда спускался, болезни снова являлись. Но ни одной частички шариата он не пропускал.

Передают, что он сказал одному мурид у: «Целый день усердствуй в произнесении “Хвала Богу, Богу, Богу!”». Тот мурид говорил [так], пока не освоил [это]. [Сахл] сказал: «Прибавь к этому и ночи!» Он так и сделал, и дошло до того, что если он себе снился, то во сне все так же произносил «Бог». Потом ему было сказано: «Оставь это и займись поминанием![32]» Дошло до того, что во всякое время своей жизни он был погружен в это [поминание]. Как-то он был дома, сверху упала деревяшка и разбила ему голову. Капли крови упали с его головы на землю, и явилось полностью начертание «Бог».

Передают, что однажды он поручил мурид у одно дело. Тот сказал: «Не могу, боюсь людских языков». Сахл обернулся к сподвижникам и сказал: «Он не доберется до сути этого дела, пока не приобретет хотя бы одного из двух свойств: пока не уйдут у него из глаз сотворенные, так что он будет видеть лишь Творца, и пока не уйдет у него из глаз его низшая душа, так что он перестанет страшиться любого свойства, что видят в нем сотворенные». Это значит — будет видеть лишь Бога.

Передают, что он рассказывал одному мурид у, что в Басре есть пекарь, наделенный степенью *дружбы* [с Богом] (*vilāyat*). Мурид встал и направился в Басру. Он увидел пекаря, усы у которого были, по обычаю пекарей, убраны в кожаные мешочки. Когда мурид увидел его, у него в голове пронеслось: «Если бы у него была степень *дружбы* [с Богом], он бы не берегся огня». Потом он поздоровался и задал какой-то вопрос. Пекарь сказал: «Поскольку вначале ты взглянул с пренебрежением, тебе не будет пользы от моих слов!»

---

[30] Шах б. Шуджа‘ Кирмани, см. его «Поминание» в [‘Aṭṭār 2007: 329-332], короткая главка о нем есть в [Худжвири 2004: 136-137].

[31] Пятничный намаз — читается в пятницу, выходной день, в полдень, в соборной или «пятничной» мечети — как правило, самой большой в городе.

[32] Поминание (*yād-dāšt*) — персидский перевод термина *ẕikr* ‘поминание’, обозначающего практику внутреннего сосредоточения на имени Бога, поминания и восхваления Бога; в данном случае речь идет о переходе к «скрытому», бессловесному поминанию.

Шейх рассказывал: «Как-то я шел по пустыне. Увидел я, что идет в одиночку старик, с чалмой на голове и с посохом в руке. Я сказал [себе]: “Видно, он отстал от каравана”. Сунул руку за пазуху, [достал] сколько-то [денег] и дал ему, мол, приготовься[33], чтобы ты не отстал [на пути] к цели. Он прикусил палец от удивления, провел рукой по воздуху, взял пригоршню золота и сказал: “Ты берешь из-за пазухи (*jayb*), а я — из сокрытого (*ġayb*)!” Сказал так и стал невидим. Я шел, изумляясь этому, пока не достиг [долины] ‘Арафат[34]. Когда я пришел к месту обхождения [Ка‘бы][35], я увидел, что Ка‘ба совершает обхождение вокруг кого-то. Я пошел туда, увидел того человека. Он сказал: “О Сахл! Кто пускается в путь, чтобы увидеть красоту Ка‘бы, — тому непременно следует совершить обхождение Ка‘бы, но кто сам ступает на путь, чтобы увидеть красоту Истинного, — Ка‘бе надлежит совершать обхождение вокруг него!”»

Сказал: «Ко мне пришел один из замещающих (*abdālān*)[36], я имел с ним беседу, он обращался ко мне с вопросами относительно истины, я давал ответы. Потом, окончив утренний намаз, он нырнул под воду и сидел под водой {до полудня. Когда брат Ибрахим[37] возвестил намаз, он вынырнул, и ни один волос на нем не промок. Он совершил полуденный намаз. Потом он ушел под воду}[38] и выныривал из той воды только во время намаза. Он пробыл со мной некоторое время и, к тому же, конечно, ничего не ел и ни с кем не общался. Так было, пока он не ушел».

Сказал: «Как-то ночью я увидел во сне Суд (*qiyāmat*), там люди стояли на стоянке [подсчета][39]. Вдруг я увидел белую птицу — она брала со всякого места на стоянке по человеку и уносила в рай. Я сказал: “Что это за птица, которую Истинный (*возвышен Он!*) пожаловал своим рабам (*bar sar-i bandagān-i xʷad minnat nihāda-ast*)?” Вдруг в воздухе появилась какая-то бумага. Я развернул ее. Там было написано: “То — птица, которую зовут "осмотрительность"[40]”». Сказал: «Во сне я видел, что [и] меня забрали в рай. Я увидел триста человек. Я сказал: “Приветствую вас!”, потом спросил: “Какова была самая страшная вещь в [бренном] мире, которой вы страшились больше всего?” Они ответили: “Страх перед окончанием[41]”».

---

[33] Приготовься — *sāxtagī kun*, букв. «подготовься», т. е. будь готов заплатить караванщику; см.: [Dihxudā 1993, ст. «sāxtagī kardan»], где этот пассаж приведен как пример на значение «готовиться», но вместо *pīr-ī* ‘старик’ дано *pīr-zan-ī* ‘старуха’.

[34] ‘Арафат — долина, расположенная в 20 км от Мекки, где перед горой Джабал ар-Рахма (Джабал ‘Арафат) проводится главный обряд хаджа — предстояние перед ликом Бога.

[35] Семикратное обхождение (*ṭavāf*) Ка‘бы, кубической постройки во внутреннем дворе мечети Масджид ал-Харам в Мекке, входит в ритуалы паломничества.

[36] Замещающие (*abdālān*, чаще — *abdāl*) — ранг в суфийской иерархии «друзей Божиих», см.: [Худжвири 2004: 213].

[37] Брат Ибрахим — *axī ibrāhīm*, М. Эсте‘лами отмечает, что неясно, на что указывает слово *axī* ‘брат’: на брата Сахла или на его сподвижника [‘Aṭṭār 2007: 789].

[38] В фигурные скобки здесь и далее заключены фрагменты, восстановленные издателем персидского текста [‘Aṭṭār 2007] по неосновной рукописи.

[39] Стоянка [подсчета] (*mawqif*, букв. «остановка, временное пребывание») — в описаниях Страшного Суда так называют место, где стоят люди в ожидании подсчета их добрых и дурных дел и решения их судьбы.

[40] Осмотрительность (*vara‘*) — благочестивое поведение, основанное на тщательном различении дозволенного и запретного.

[41] Окончание (*xātimat*) — окончание дела, исход; речь идет о страхе перед «окончательным приговором», выносимым на Страшном Суде.

Сказал: «Истинный (*возвышен Он!*) пожелал вдуть душу в Адама, подул в него во имя Мухаммада и сделал его куньей "Абу Мухаммад"[42], и во всем раю нет ни единого листка, на котором не начертано имя "Мухаммад", и нет в раю дерева, которое не посажено во имя его. Начало всему положили его именем, и завершение (*xatam*) [череды] пророков — благодаря ему. Потому-то именем его стало *Печать пророков*[43]». Сказал: «Среди каких-то людей я увидел Иблиса. При помощи своей внутренней силы (*himmat*) я задержал его. Когда те люди ушли, я сказал: "Не отпущу тебя, пока не поговоришь о Божием единстве (*tawḥīd*)!"» Сказал: «Он заговорил и рассказал такую главу о Единстве, что если бы [при том] присутствовали мужи из познавших (*ʻārifān*), они бы все прикусили палец от удивления».

Сказал: «Я видел как-то ночью человека, который испытывал страшный голод. Я поднес ему кусок хлеба. Наверно, он был в сомнении[44], отказался и не стал есть. В ту ночь от голода он не смог предаться поклонению (*ṭāʻat*), а уже три года он проводил ночи в поклонении [Богу]. А в ту ночь, [если бы] вознаграждение за голод и воздержание от сомнительной пищи уравняли с [наградой] за все добрые деяния смертных, он бы не согласился, ибо — "стоит больше!"»

Сказал: «Мне больше нравится, когда мой живот наполнен вином, а не дозволенной пищей». Спросили: «Почему?» Сказал: «Когда живот наполняется вином, разум успокаивается и огонь вожделения (*šahvat*) гаснет, и люди в безопасности от моих рук и языка. А когда живот наполняется дозволенной пищей, болтун-[разум] выражает пожелания, вожделение набирает силу, а низшая душа поднимает голову в погоне за своими желаниями».

Сказал: «Уединение является правильным только при питании дозволенным, а дозволенная пища является правильной лишь при том, что ее дают ради Бога (*велик Он и славен!*)». Сказал: «Когда кто-то ест один раз в сутки, это — питание правдивейших[45]». Сказал: «Ни у кого служение не будет правильным, и деяние, что он совершает, чистым, если человек не голоден, и надлежит ему избрать четыре вещи, чтобы служение было правильным: голод, нищенство (*darvīšī*), уничижение (*xārī*) и довольство малым (*qanāʻat*)». Сказал: «Кто голодал, вокруг того не вертится шайтан по велению Бога (*велик Он и славен!*). Если вы едите досыта, устремитесь к голоду от того, что пристрастило вас к еде досыта! Если не поступите так, то выйдете за пределы [послушания] и станете непокорными». Сказал: «Начало всех бедствий — еда досыта!» Сказал: «Кто ест недозволенное, у того все семь частей тела впадают в грех. Хочет он того или не хочет — неизбежно грешит. А кто ест дозволенное, у того все семь частей тела — в служении [Богу] (*ṭāʻat*), и благое вспомоществование — при нем». Сказал: «Чистая дозволенная [еда] — та, при которой не забываю Бога (*возвышен Он!*)».

Передают, что у одного ученика голод дошел до предела. Прошло несколько дней. Потом он сказал: «*О учитель! Есть ли пища*?» [Сахл] *сказал*: «*Поминание Живого, который не умирает!*» Сказал: «Сотворенные делятся на три части: есть такие, что воюют с собой ради Бога (*возвышен Он!*), есть такие, что воюют с со-

---

[42] Кунья — прозвание по кому-то из родителей или детей, начинающееся со слов *abū* (*bū*) 'отец', *umm* 'мать', *ibn* 'сын', *bint* 'дочь'; Абу Мухаммад — букв. «отец Мухаммада».

[43] Печать пророков (*xātam an-nabīyyīn*) — прозвание Мухаммада, с приходом которого в мир закончилось, по представлениям мусульман, ниспослание пророков.

[44] Он был в сомнении — *šubhat-ālūd būd*, т. е. испытывал сомнения относительно дозволенности этой пищи.

[45] Правдивейшие (*ṣiddīqān*) — суфии, достигшие совершенства в искренности, см.: [Худжвири 2004: 32, 128].

творенными ради Бога (*возвышен Он!*), а есть такие, что воюют с Истинным ради себя: мол, почему это Твой приговор не к нашему удовольствию?! почему Твоя воля — не по нашему совету?!» Сказал: «Тому, кто хочет подлинного благочестия, скажи: удерживайся от всех грехов!» Сказал: «Все деяния, которые вы совершаете, не следуя [за кем-то], — все их считайте истязаниями своей низшей души!» Сказал: «У раба не будет правильного рабствования до тех пор, когда он не перестанет видеть в небытии (*ʻadam*) следов привязанности к себе, а в гибели (*fanā*) — следов бытия[46]». Сказал: «Ученые мужи, аскеты и отшельники (*ʻubbād*) покинули этот мир, а их сердца были все еще в оболочке (*ġilāf*)[47] и не раскрылись, разве что сердца правдивейших и мучеников за веру».

Вера человека не обретет полноты, пока его деяния не будут [основаны] на осмотрительности (*varaʻ*), осмотрительность — на искренности (*ixlāṣ*), а искренность — на ви́дении [Бога] (*mušāhada*). Искренность — это отречение от всего, что ниже Бога (*велик Он и славен!*). Сказал: «Лучшие из страшащихся [гнева Божия] — искренние, а лучшие из искренних — те люди, искренность которых простирается до самой смерти!» Сказал: «Только искренний знает о лицемерии!» Сказал: «То племя, что показалось на этой стоянке, везли верхом на бедствиях: если они пошатнутся, останутся отделенными, а если будут спокойны — соединятся». Сказал: «Всякий, кто не поклоняется Богу (*велик Он и славен!*) по своей воле, вынужден поклоняться сотворенным». Сказал: «Не дозволено сердцу, которое способно успокоиться на чем-то, кроме Бога (*велик Он и славен!*), чтобы до него когда-либо дошел аромат уверенного [знания] (*yaqīn*)». И не дозволено сердцу, в котором есть что-то, чем недоволен Бог (*возвышен Он!*), чтобы это сердце озарил свет. Сказал: «Любой восторг (*vajd*), о котором не свидетельствуют Книга[48] и сунна, — ложен». Сказал: «Достойнейшее из деяний — когда раб очищается от представления о собственной чистоте». Сказал: «Всякий, кто переходит от вдоха к вдоху без поминания Бога (*велик Он и славен!*), понапрасну растрачивает собственную жизнь!» Сказал: «Внутренняя сила (*himmat*) — то, что [всегда] ищет прибавления, когда она обретает полноту, то достигает цели или остается отделенной». Сказал: «Если бы не было бедствия, не было бы и пути к Истинному!» Сказал: «Тому, кто сорок дней искренне предается аскезе (*zuhd*), является чудо (*karāmat*), а если не является, значит, им была допущена оплошность в аскезе». Спросили: «Как ему является чудо?» Сказал: «Принимай то, что будет, как будет!» Сказал: «Всякое сердце, которое укрепляется знанием (*ʻilm*), становится крепче всех сердец, а признак сердца, что укрепляется знанием, в том, что оно опутано [собственными] разумениями и ухищрениями и не может подчинить свои разумения Господу. Всякого, кого Истинный (*возвышен Он!*) предоставляет его собственному разумению, Он бросает в ад и в этом {мире}, и {в том мире}». Сказал: «Ученые мужи — из трех племен: ученый, занятый внешним знанием (*ʻilm-i ẓāhir*), он излагает свое знание приверженцам внешнего; ученый, занятый внутренним знанием (*ʻilm-i bāṭin*), он излагает свое знание приверженцам того; ученый, занятый знанием, которое между ним и Богом (*возвышен Он!*), и его он никому не может излагать». Сказал: «Солнце не встает и не садится ни для кого на земле, [кто был бы] лучше отдающего предпочтение Богу (*возвышен Он!*) перед телом, имуществом, душой, этим миром и тем!»

---

[46] Комментарий М. Эсте‘лами: «Когда он станет несуществующим, его сердце не будет горевать из-за его состояния, и на пути к Истинному он не будет печалиться из-за собственной гибели» [‘Aṭṭār 2007: 790].

[47] Аллюзия к (Коран 2: 88; 4: 155).

[48] Книга (*kitāb*) — одно из наименований Корана.

Сказал: «Нет греха больше, чем невежество (*jahl*)». Сказал: «Не смотрите глазами презрения на тех безумцев, которых ваши *халифы* назвали пророками!» Некто спросил: «Каково ваше знание?» Сказал: «Это знание не приходит при помощи овладения, но то знание нельзя оставить при помощи изощрения. Когда приходит это известие (*ḥadīṯ*), оно само отнимает у тебя все то».

Сказал: «Наши основы (*uṣūl*) — шесть вещей: держаться Книги Бога (*велик Он и славен!*), следовать сунне Посланника (*мир ему!*), есть дозволенное и воздерживаться от причинения обиды сотворенным — даже если они обижают тебя, сторониться запретных деяний (*manāhī*) и торопиться исполнять предписанные (*ḥuqūq*)». Сказал: «Основы нашего толка[49] — три вещи: следовать за Посланником нравами и деяниями, есть дозволенное и [проявлять] искренность во всех деяниях». Сказал: «Первое, что нужно начинающему, — покаяние (*tawba*), а это — раскаяние (*nadāmat*), вырывание вожделений из сердца и переход от порицаемых движений (*ḥarakāt*) к одобряемым движениям. Не выйдет у раба покаяния, пока он не вменит себе в обязанность молчание, а молчание не будет ему сопутствовать, пока он не изберет уединения, а уединение не станет близким ему, пока он не начнет употреблять дозволенную пищу, а есть дозволенное не получится, пока он не будет выполнять предписания Бога (*возвышен Он!*), а выполнения предписаний Бога (*возвышен Он!*) он добьется, лишь блюдя члены тела (*javāriḥ*). Из всего того, что мы перечислили, ничто не осуществится, пока он не попросит у Бога (*возвышен Он!*) помощи во всем этом».

Сказал: «Первая стоянка рабствования — это уйти от собственной воли и проникнуться отвращением к своей силе и мощи». Сказал: «Величайшая из стоянок — та, на которой свой дурной нрав заменяют добрым». Сказал: «Потомков Адама губят две вещи: погоня за могуществом (*ʿizz*) и страх бедности». {И сказал}: «Вокруг тех, чьи сердца наиболее смиренны, не вьется див!» Сказал: «Пять вещей — из жемчуга низшей души[50]: бедняк, который выглядит богатым, голодный, который выглядит сытым, печальный, который выглядит радостным, человек, который питает к кому-то вражду, а выглядит дружелюбным, и человек, который ночью творит молитву, днем держит пост, но выказывает силу [и бодрость]». Сказал: «Между Богом и рабом нет завесы плотнее, чем завеса притязания[51], и нет к Богу пути ближе, чем стать бедняком[52] ради Бога». Сказал: «Всякий притязающий — не страшащийся [гнева Бога], всякий, кто не страшится — тот не доверенное лицо[53], а кто не доверенное лицо, до того не доходят известия о сокровищах Падишаха[54]». Сказал: «Не исходит аромат правдивости от всякого, кто притворствует с [кем-то], кроме себя, а притворство перед собой — ли-

[49] Наш толк — *maẕhab-i mā*; термин *maẕhab* (букв. «путь») означает в узком смысле какую-либо из четырех богословско-правовых школ ислама (ханафитов, маликитов, шафиʿитов и ханбалитов), он также широко используется в разных областях ислама в более широком значении ʿучение, школа, доктринаʾ, в данном случае речь идет об учении суфиев.

[50] Жемчуг души (*gawhar-i nafs*) — благородство и высокие достоинства человеческой природы [ʿAṭṭār 2007: 790, примеч. М. Эстеʿлами].

[51] Притязание (*daʿvā*) в лексиконе суфиев — притязание на познание истины, проявление гордыни.

[52] Стать бедняком — *iftiqār*, букв. «обеднение», также «бедность, нужда».

[53] Доверенное лицо (*amīn*) в суфийских терминах — наставник, совершенный человек, см.: [Dihxudā 1993, ст. «Amīn», рубрика «iṣṭilāḥ-i taṣavvuf»].

[54] Сокровища Падишаха (*xazāyin-i pādšāh*) — сокровищница Божественных тайн [ʿAṭṭār 2007: 790, примеч. М. Эстеʿлами].

цемерие». Сказал: «У всякого, кто притворствует с еретиком[55], Истинный (*возвышен Он!*) отнимает веру[56]». Сказал: «Всякая дозволенная пища, которую они пожелают взять у тех, кто привержен греху, станет для них недозволенной». Сказал: «Сунна в этом мире подобна раю в мире последнем. Всякий, кто попал в рай, избавлен от страсти и [недопустимых] нововведений». Сказал: «Всякий, кто порицает добывание средств[57], порицает сунну; всякий, кто порицает упование на Бога, [тем самым] порицает веру; для сторонников упования добывание выходит неправильным, разве что на торной дороге сунны; для всякого, кто не является сторонником упования, добывание средств бывает правильным только при [таком] намерении, как взаимопомощь (*ta'āvun*)». Это значит: человек оказывает помощь так, что сердца людей свободны от него. Сказал: «Если ты способен сидеть в терпении (*ṣabr*), делай так, не будь как те люди — чтобы терпение сидело на тебе![58]» Сказал: «Корень всех бед — недостаток терпения по отношению к [разным] вещам. А предел благодарности познавшего — когда он узнает, что не в силах высказать свою благодарность[59] так, чтобы она достигла степени сахара благодарности[60]». Сказал: «У Бога (*велик Он и славен!*) всенощно, и вседневно, и всечасно — [бесчисленные] дары, а величайший из даров — тот, что Он внушает тебе поминание Себя». Сказал: «Нет греха хуже, чем забвение Истинного». Сказал: «Кто отвращает свои глаза от запретного, к тому никогда во всю его жизнь не найдет дороги дурной глаз». — Наверно, он сказал, что не найдет дороги ни на миг. — Сказал: «Бог (*возвышен Он!*) не сотворил места — от Трона до сырой земли — лучше сердца правоверного, оттого что не наградил сотворенных даром лучше познания, а лучшие дары кладут на лучшие места. Если бы в мире было место лучше сердца правоверного, Он вложил бы туда познание»[61].

---

[55] Еретик (*mubtadi'*) — букв. «вводящий новшества», т. е. недопустимые нововведения (*bid'a*), противоречащие, с точки зрения той или иной школы мусульманской догматики, положениям Корана и сунны.

[56] Отнимает веру (*sunnat bibarad*) — букв. «отнимает сунну», т. е. возможность следовать религии Мухаммада; перевод по комментарию М. Эсте'лами ['Aṭṭār 2007: 790].

[57] Добывание средств (*kasb*) — деятельность человека, направленная на добывание средств к существованию, также 'ремесло, занятие'; в суфийских сочинениях вопрос о дозволенности *kasb* обсуждается, в частности, в контексте рассуждений о практике *tavakkul* — упования на Бога, уверенности в том, что Бог пошлет уповающему пропитание; о других значениях *kasb* как суфийского термина см.: [Худжвири 2004: 458].

[58] «Терпение сидело на тебе» — т. е. было вынужденным, а не основанным на склонности и внутреннем приятии ['Aṭṭār 2007: 790, примеч. М. Эсте'лами].

[59] Ср. жалобу Халладжа: «О Аллах, ведомо Тебе, что я не в силах представить, как возблагодарить Тебя. Вместо меня возблагодари Себя Сам, ибо это и есть благодарность, и довольно» ['Aṭṭār 2007: 513], русский перевод см.: [Рейснер, Чалисова 1998: 148].

[60] Сахар благодарности — *šakkar-b šukr*, это выражение употребляет Санаи в первой главе «Сада истины», в разделе «О благодарности»: «Кто умеет собрать [букв. «смести»] сахар благодарности Ему, / Кто умеет просверлить жемчужину поминания Его?!», см.: [Ganjūr: Sanāī, *Ḥadīqat al-ḥaqīqa*, гл. 1, раздел «Andar šukr gūyad»].

[61] Аллюзия к хадису *кудси* (словам Бога, а не Мухаммада): «Не вмещают Меня земля Моя и небо Мое, но вмещает сердце раба Моего верующего», см. текст хадиса с отсылкой и перевод О. Ястребовой [Руми 2007: 188, примеч. 81]. Руми рассказывает о хадисе так: «Сказал Посланник, что Истинный изволил [молвить]: / "Я не помещусь никак в высоте и в низине, / ни на земле, ни на небесах, ни на престоле также, / Я не помещусь. Сие достоверно знай, о дорогой! / В сердце верующего вмещусь Я, вот дивно! / Если Меня ты ищешь, то в тех сердцах ищи!"».

Ср. в «Исповеди» Блаженного Августина (ум. 430): «Итак, вмещают ли Тебя небо и земля, если Ты наполняешь их? Или Ты наполняешь их и еще что-то в Тебе остается, ибо

Сказал: «Познавший — таков, что его кушанья никогда не иссякают, и каждый миг — все благоуханней!» Сказал: «Нет иного Споспешествующего, кроме Бога (*возвышен Он!*), нет иного доказательства, кроме Посланника Бога, нет иного дорожного припаса, кроме благочестия, нет иного деяния, кроме терпения в тех пяти вещах, о которых я сказал[62]». Сказал: «Не проходит и дня, чтобы Истинный не воззвал: "О раб Мой! Ты не воздаешь должное по справедливости! Я помню о тебе, а ты Меня забываешь, Я призываю тебя к Себе, а ты идешь ко двору кого-то другого, Я отвожу от тебя беды, а ты упорствуешь в грехе! О сын Адама! Завтра, когда ты придешь на Суд, как {испросишь} прощения?!"[63]».

Сказал: «Бог (*возвышен Он!*) создал сотворенных так: "Говорите со Мной втайне, а если не говорите втайне, смотрите на Меня, а если не делаете этого, обращайтесь с просьбой!"» Сказал: «Сердце никогда не оживет прежде, чем умрет низшая душа!» Сказал: «Всякий, кто стал повелителем своей низшей души, стал всемогущим и повелителем других». Как сказали: «Будь падишахом своего тела, ибо никогда ни один враг не справится с тобой так, как ты бы сам с собой справился!» [Сказал]: «А тот, кем повелевает его низшая душа, стал презренным. Первое преступление правдивейших — их сговор с низшей душой». Сказал: «Достойнее всего поклоняются Богу (*велик Он и славен!*), противодействуя страстям низшей души». {Сказал: «Всякий, кто узнает свою низшую душу, узнает Господина своей низшей души».} Сказал: «Всякий, кто познал Бога (*велик Он и славен!*), окунулся в море печали и радости». Сказал: «Предел познания — растерянность (*ḥayrat*) и смятение (*dihšat*)». Сказал: «Первая стоянка познания — та, на которой Он дает рабу уверенность касательно Своей тайны, и все члены его [тела] обретают покой от той уверенности». Это значит: дурные помыслы бывают от слабой уверенности. Сказал: «Познавшие Бога (*ahl-i ma'rifat*) — люди стоянки *признания*[64]. Они все признают знаком Его». Сказал: «Правдивый (*ṣādiq*)[65] — тот, к кому Бог (*возвышен Он!*) приставляет ангела, и когда настает время молитвы, тот ставит раба молиться, а если он спит — будит». Сказал: «На покаяние праведников[66] — меньше надежды, чем на покаяние неверных и грешников».

Сказал: «"*Нет бога кроме Бога*" — сотворенным нужны убежденность в этом сердцем, признание этого языком и вера в это в деяниях». Сказал: «Начало покаяния — приятие[67], потом — раскаяние, потом — покаяние, потом — мольба о прощении. Приятие бывает в действии, раскаяние — в сердце, покаяние — в намерении, а мольба о прощении — за проступки». Сказал: «Суфий — тот, кто

они не вмещают Тебя?» [Августин 2008: 6 (кн.1, гл. 3)]; «Но кто даст мне отдохнуть в Тебе? Кто даст, чтобы вошел Ты в сердце мое…» [Там же: 8 (кн. 1, гл. 5)].

[62] М. Эсте'лами отмечает, что неясно, какие пять вещей имеются в виду ['Aṭṭār 2007: 274, примеч. 1].

[63] Аллюзия к (Коран 2: 147 (152)): «Вспомните же Меня, Я вспомню вас; будьте благодарны Мне и не будьте отрицающими Меня!»

[64] Признание (*a'rāf*) — название седьмой суры Корана *al-a'rāf* «Преграды», религ. 'чистилище'; в лексиконе суфиев — «стоянка свидетельства (*šuhūd*)», на которой в любой вещи видят проявление Божественной сущности ['Aṭṭār 2007: 790].

[65] Правдивый (*ṣādiq*) — суфий, наделенный искренностью.

[66] Праведники — *qurrā* (мн. ч. от *qārī* 'благочестивый, набожный человек', также 'чтец Корана').

[67] Приятие (*ijābat*) — благоприятный ответ на просьбу, согласие, принятие приглашения; терминологически — повиновение сунне Пророка и установлениям шариата.

чист (*ṣāfī*)[68] [сердцем] от мути, полон раздумий и в близости к Богу (*велик Он и славен!*), отделен от людей, и одинаковы в его глазах прах и золото». Сказал: «Суфийство — это мало есть, обретать покой с Богом (*велик Он и славен!*) и бежать от сотворенных».

Сказал: «Упование — состояние пророков. Тому, кто в уповании [на Бога] достиг состояния пророка, скажи: “Не пренебрегай его сунной!”» Сказал: «Первая стоянка в уповании — та, на которой ты перед Мощью [Бога] подобен трупу в руках обмывальщика трупов. Он переворачивает [труп], когда пожелает, а в нем вовсе нет ни воли, ни движения». Сказал: «Упование оказывается правильным только при жертвовании души (*baẕl-i rūḥ*), а душой можно пожертвовать, лишь расставшись с собственным разумением». Сказал: «Три вещи относятся к признакам упования: он (уповающий. — *Н. Ч.*) не просит [пищи], а если она является, не принимает, а если принял — оставляет». Сказал: «Уповающим дают три вещи: истину уверенности, раскрытие тайного и созерцание близости к Истинному (*возвышен Он!*)». Сказал: «Упование — в том, что ты не обвиняешь Истинного (*возвышен Он!*)». То, что он сказал, означает: [за то], что тебе ниспослал. Сказал: «Упование бывает в сердце, которое живет с Богом (*велик Он и славен!*) без [иной] привязанности». Сказал: «У всех состояний есть лицо и затылок, кроме упования, которое — сплошь лицо, без затылка». Смысл тут такой: воздержание и благочестие — это удаление от мира, подвижничество состоит в противодействии низшей душе и страстям, знание и познание состоят в наблюдении и узнавании вещей, страх и надежда происходят от милости Божественного величия, вверение [себя] и подчинение [Божьей воле] сопряжено с тяготой и мучением, согласие бывает — с предопределением, благодарность — за дар, терпение — в беде, а упование — на Бога. Поэтому-то упование — целиком лицо, без затылка. Если кто-то скажет: «Дружба тоже такая, как упование на Бога», мы скажем: «Не бывает дружбы “на Бога”, бывает — с Богом».

Сказал: «Дружба — это обнять за шею послушание и сторониться противления». Сказал: «Тот, кто любит Бога (*велик Он и славен!*), у того — наслаждение жизнью!» Сказал: «Стыд превыше страха. Стыд бывает у избранных, а страх — у ученых мужей[69]». Сказал: «Рабствование — приятие действий Бога (*велик Он и славен!*)».

Сказал: «Самонаблюдение — это когда ты не боишься упустить этот мир, но боишься упустить тот!»

Сказал: «Страх — самец, а надежда — самка, дитя обоих — вера!» Сказал: «Во всякое сердце, [полное] гордыни, не нисходят страх и надежда». Сказал: «Страх — это сторониться всего запретного, а надежда — торопиться исполнять повеленное, и никто, кроме страшащегося, не знает как следует о надежде». Сказал: «Самая правильная и достойная из стоянок — та, на которой раб страшится: какую судьбу уготовил ему Бог (*велик Он и славен!*) в [Своем] знании».

Передают, что некий человек притязал на страх [Божий]. [Сахл] сказал: «В тайнике твоего [сердца] есть ли какой страх, кроме страха отделенности [от Бога]?» Тот сказал: «Есть!» Он сказал: «Ты не узнал Бога (*возвышен Он!*) и не бо-

---

[68] Одна из популярных в суфийских сочинениях этимологий возводит слово *ṣūfī* ‘суфий’ к *ṣafā* ‘чистота’, поскольку очищение сердца — важная цель для взыскующего истины.

[69] Избранные (*xāṣṣagān*) — идущие по пути «внутреннего знания», суфии; «ученые мужи» (*‘ulamā*) — сторонники внешнего знания, богословы.

ялся отделенности!» Сказал: «Терпение — ожидание облегчения печали от Бога (*возвышен Он!*)». Сказал: «Раскрытие — то, о чем сказали: *если откроется завеса, не умножится моя уверенность!*[70]»

Сказал: «Молодечество[71] (*futuvvat*) — подчинение сунне!» Сказал: «Воздержание бывает от трех вещей: одно — от [хорошей] одежды (*malbūs*), и оно в конце доходит до мусорных свалок; воздержание от собратьев, оно под конец бывает разлукой, воздержание от этого мира, оно окончится гибелью [в Боге] (*fanā*)». Сказал: «Осмотрительность (*vara‘*)– это удаление от мира, а мир — это низшая душа! Всякий, кто дружит со своей низшей душой, сделал Бога (*велик Он и славен!*) своим врагом». Сказал: «Пройти путь от низшей души к Богу (*велик Он и славе*н!) — трудно!» Сказал: «Низшая душа не свободна от [одного из] трех свойств: она или неверная, или лицемерная, или лживая». Сказал: «В низшей душе много зол. Одно из этих зол такое, что проявилось в Фир‘ауне, оно проявляется только в подражании Фир‘ауну[72], и это — притязание на божественность». Сказал: «Избирай дружбу с тем, подле кого — все, что тебе надобно!». Сказал: «Истинный (*возвышен Он!*) дал благородным близость [к Себе] через добрые дела, а силу — через уверенное [знание]». Сказал: «Делайте добрые дела[73], чтобы у вас прибавлялось ума, ведь ни одно сердце, принадлежащее скудоумному, не познало Бога (*возвышен Он!*)». Сказал: «Явление[74] бывает трех степеней (*ḥālat*): явление Сущности (*ẕāt*), и это — раскрытие, явление атрибутов, и это — ниспослание (*mawżi‘*) света, и явление приговора Сущности, и это — тот мир и то, что в нем». Спросили о дружбе (*uns*). Сказал: «Дружба — это когда члены тела водят дружбу с разумом, разум водит дружбу со знанием, знание водит дружбу с рабом, а раб водит дружбу с Богом».

---

[70] Слова, приписываемые имаму ‘Али: если откроется завеса, скрывающая тайны сокровенного, не возрастет моя уверенность, т. е. моя уверенность в том, что я знаю о мире сокровенного, достигла предельной степени [‘Aṭṭār 2007: 790–791, коммент. М. Эсте‘лами].

[71] Молодечество (*futuvvat*, также ‘доблесть, геройство’) — термин восходит к араб. *fatā* ‘юноша, молодец’, еще в доисламское время обозначавшему у арабов доблестного воина; о таких значениях термина *futuvvat* (перс. *javānmardī*), как морально-нравственный идеал молодого мусульманина (воплощенный в халифе ‘Али) и название особых мужских сообществ, см.: [Zakeri 2012]; в суфийских текстах значение *futuvvat* интериоризируется, термин указывает на «молодечество» и геройство в борьбе мистика с самим собой на пути духовного совершенствования.

[72] Фир‘аун (библ. Фараон) — в Коране представлен как правитель Египта по имени Фир‘аун, возгордившийся и требовавший, чтобы его считали Богом. Бог показал ему ничтожность его земной власти, а орудием наказания избрал пророка Мусу. Центральным эпизодом борьбы Мусы с Фир‘ауном является состязание пророка с колдунами правителя, после которого колдуны признали свое поражение и уверовали в Бога Мусы. После семи бед, обрушенных Богом на египтян в наказание за их неверие в бога Мусы, Фир‘аун согласился отпустить Мусу и его народ. Муса увел свой народ по морю, воды которого расступились, повинуясь его посоху, а Фир‘аун, вероломно бросившийся вместе с войском догонять Мусу, утонул во вновь сомкнувшихся водах. Перед гибелью в воде Фир‘аун раскаялся и уверовал в единого Бога, рассказ о Мусе и Фир‘ауне в Коране см.: (Коран 20: 25(24)–81(79); 26: 15(16)–66), ср. [Пиотровский 1991: 101–103].

[73] «Делайте добрые дела» (*rawġan ba kār dārīd*, букв. «пускайте масло в дело») — перевод предположительный, см.: [Dihxudā 1993, ст. «Rawġan»], где отмечено значение ‘добрые дела, благотворительность’ (*nīkū-kārī*) для фразеологизма *rawġan ba čirāġ dādan* (букв. «давать масло лампе») в шуштарском говоре (Сахл Тустари был родом из города Шуштар, в арабизированном произношении — Тустар).

[74] Явление (*tajallī*) — теофания, манифестация человеку божественной славы, божественных атрибутов.

Спросили о начале состояний и их конце. Сказал: «Осмотрительность (*vara‘*) — первое в воздержании (*zuhd*), воздержание — первое в уповании (*tavakkul*), а упование — первая степень познавшего (*‘ārif*). Познание (*ma‘rifat*) — первое в удовлетворенности (*qanā‘at*), а удовлетворенность — это расставание с вожделениями (*šahavāt*); расставание с вожделениями — первое в довольстве (*riżā*), а довольство — первое в согласии (*muvāfaqat*)».

Спросили: «Что самое трудное для низшей души?» Сказал: «Искренность (*ixlāṣ*), потому что от искренности ничего не перепадает низшей душе». Сказал: «Искренность — это приятие [должного] (*ijābat*). У кого нет приятия, в том нет искренности».

Спросили об искренности. Сказал: «Искренность — в том, что так же, как ты почерпнул веру от Бога (*велик Он и славен!*), ты не отдашь ее никому иному, кроме Господа». Сказали: «Опиши нам правдивых (*ṣādiqān*)!» Сказал: «Поведайте мне тайны правдивых, чтобы я дал вам описание правдивых![75]»

Сказали: «Что такое ви́дение [Бога]?» Сказал: «Рабствование». Сказали: «Дана ли дружба [с Богом] (*uns*) грешникам?» Сказал: «Не [дана]. Как и тем, у кого бывают греховные помыслы». Сказали: «Из-за чего доходят до того, что молятся по ночам?» Сказал: «Из-за того, что днем совершают измену».

Сказали: «Один человек говорит: “Я — совсем как дверь. Не двинусь, если мной не двинут”». Сказал: «Такие слова не скажет никто, кроме двоих — правдивейшего и еретика[76]». Сказали: «Что ты скажешь о том, чтобы есть один раз в сутки?» Сказал: «Так едят правдивейшие». Сказали: «А два раза?» Сказал: «Так едят правоверные». Сказали: «А три раза?» Сказал: «Сказал бы, что такой хватает все подряд и ест как жвачное животное».

Спросили о добром нраве. Сказал: «Самое малое его состояние — нести бремя, не воздавать дурному человеку по заслугам, молить [Бога] о его прощении и дарить ему [прощение]». Сказал: «Когда рабы обращают лица к Богу, это — воздержание». Спросили: «Какой вещью Он оставляет на рабе отпечаток Своей Милости?» Сказал: «Когда в голоде, болезни и бедствии [раб] проявляет терпение — только лишь *как угодно Богу*». Спросили о том, кто много дней ничего не ест: «Куда девается у него огонь голода?» Сказал: «То пламя гаснет от Света!» Сказал: «У голода (*gurusnagī*) три степени: одна — естественное голодание (*jū‘-i ṭab‘*), и это — дело разумное, [вторая] — смертное голодание (*jū‘-i mawt*), и это — порочное дело, [третья] — страстное голодание (*jū‘-i šahvat*), это — неумеренность»[77].

Спросили: «Что такое покаяние (*tawba*)?» Сказал: «Оно таково, что ты забываешь грех». Некто сказал: «Покаяние таково, что ты не забываешь греха!» Сахл сказал: «Это не так, как ты думаешь, ведь помнить о непостоянстве в пору соблюдения верности[78] — это непостоянство». Тот сказал: «Наставь меня!» [Сахл] сказал: «Твое спасение — в четырех вещах: голодание (*kam xʷardan*), бессонница,

---

[75] М. Эсте‘лами трактует это речение так: «Если ваш внутренний мир (*bāṭin*) таков же, как у правдивых, я смогу описать их для вас, а если нет — вы не поймете» [‘Aṭṭār 2007: 791].

[76] Еретик (*zindīq*) — вероотступник, в узком смысле — исповедующий зороастризм.

[77] Смысл этого не вполне ясного пассажа М. Эсте‘лами суммирует как «хорошо голодать, не впадая в крайности» [‘Aṭṭār 2007: 791].

[78] Непостоянство — *jafā* (также ‘мучение; притеснение’); верность — *vafā*; оба слова в любовном лексиконе определяют отношения между влюбленным и возлюбленным; в суфийских терминах *jafā* определяется как «воспитание сердца взыскующего через сокрытие от него познания и созерцания Бога», см.: [Dihxudā 1993, ст. «Jafā»]

одиночество и молчание». Он спросил: «Желаешь ли, чтобы я общался с тобой?» [Сахл] ответил: «Когда один из нас умрет, с кем ты станешь общаться? Общайся и теперь с Ним Самим!» Сказал: «Если ты боишься диких зверей, не общайся со мной!» [Тот человек] сказал: «Говорят, лев приходит навестить тебя». Он ответил: «Да, [как говорят], собаку тянет к собаке».

Спросили: «Когда дервиш обретает покой?» Сказал: «Когда видит себя лишь в тот момент времени, в котором пребывает». Спросили: «Среди всех людей — с каким племенем нам общаться?» Сказал: «С познавшими, ведь они никакую вещь не числят значительной, и для всякого действия, которое происходит, у них бывает истолкование (*ta'vīl*). Потому-то они простят тебя во всех состояниях».

Моление (*munājāt*) у него вот какое. Он говорил: «Боже мой, Ты вспомнил меня, а я — никто! А если я Тебя поминаю — мне нет равных! Разве не довольно мне этой радости?! А ведь нет никого ничтожнее меня!»

Сахл (*да помилует его Бог!*) был истинным проповедником, и люди благодаря ему вставали на путь. В тот день, когда приблизилась его кончина, у него было четыре сотни муридов. Эти муриды находились у его одра. Они спросили: «Кто займет твое место и кто будет говорить с твоей кафедры?» Там был гебр по прозванию Шаддил-гебр[79]. Старец (*pīr*) открыл глаза и сказал: «Мое место займет Шаддил». Люди сказали: «Верно, старец не в ладах с разумом! Тот, у кого четыреста сведущих и набожных учеников, назначает на свое место какого-то гебра?!» Он сказал: «Угомонитесь и приведите ко мне этого Шаддила!» Его привели. Увидев его, шейх сказал: «Когда настанет третий день после моей кончины, после предвечерней молитвы[80] взойди на кафедру, займи мое место, говори с людьми и проповедуй!» Шейх произнес это и скончался.

На третий день после предвечерней молитвы собрался народ, Шаддил поднялся на кафедру, а люди глядели на него: мол, что же это такое! Гебр, да в гебрской шапке, да подпоясанный зуннаром![81] Он сказал: «Ваш глава послал меня к вам со словами "О Шаддил, не пора ли тебе разорвать зуннар гебров?" Теперь я разрываю его!» Он приложил нож, разорвал [зуннар], снял с головы гебрскую шапку и произнес: «*Свидетельствую, что нет бога кроме Бога, и свидетельствую, что Мухаммад — посланник Бога*![82]» Потом сказал: «Шейх велел: "{Скажи, что} это ведь ваш старец и учитель {дал наставление, а наставлению своего учителя положено следовать}. Вот — Шаддил разорвал внешний зуннар. Если хотите увидеть меня в День воскресения, пусть достанет вам отваги разорвать все внутренние зуннары!"» Когда он произнес это, в том сообществе поднялось волнение и проявились удивительные состояния (*ḥālāt*).

---

[79] Гебр (*gabr*) — зороастриец, в широком смысле — немусульманин, неверный, о возможной этимологической связи между словом *gabr*, восходящим к арамейскому корню, и араб. *kāfir* 'неверный' см.: [Dihxudā 1993, ст. «Gabr»]; Шаддил — *šād-dil*, букв. «с радостным сердцем».

[80] Предвечерняя молитва (*namāz-i dīgar*, букв. «другая молитва», также — *namāz-i 'aṣr*) — третья из пяти обязательных для мусульманина ежедневных молитв.

[81] Гебрская шапка (*kulāh-i gabrī*, также *sar-pūš*) — белая шапочка, формой напоминающая тюбетейку, которую зороастрийцам полагается надевать для проведения ритуалов и совершения молитвы. Зуннар (*zunnār*, от греч. ζωνάριον 'пояс'), в исламе — отличительный признак иноверцев-зимми, пояс, который они должны были носить во владениях мусульманских правителей; кроме того, так называли *кусти* или *кушти* — ритуальный пояс зороастрийцев, сплетенный из разноцветных нитей.

[82] Шаддил произнес слова, которые именуются *šahāda* 'свидетельство', — формулу исповедания мусульманской веры.

Передают, что в тот день, когда понесли погребальные носилки шейха, среди людей был большой переполох. Один семидесятилетний еврей, услышав шум и гам, вышел на улицу: мол, что там? Когда носилки приблизились, [шейх] подал голос: «О люди! Вы видите то, что вижу я?» Ангелы спускались с неба и касались его носилок. [Еврей] тут же произнес слова свидетельства[83] и стал мусульманином.

Абу Талха Малик сказал: «В день, когда родился от матери, он держал пост, и в день, когда умер, держал пост, а разговелся в Божественном присутствии[84].

Рассказывают, что как-то Сахл сидел с друзьями. Туда пришел какой-то человек. Сахл сказал: «Этот человек владеет тайной!» Посмотрели — а человек уже ушел. Когда Сахл скончался[85], у его могилы сидел мурид. Пришел тот человек. Мурид воскликнул: «Господин, что погребен здесь, сказал, что у тебя есть тайна. Ради Бога, вверившего тебе эту тайну, яви нам что-нибудь!» Тот человек указал на могилу Сахла: «О Сахл! Говори!» Сахл подал голос из могилы: «*Нет бога кроме Бога, един Он, и нет у Него сотоварища!*» [Тот человек] сказал: «Говорят, что для исповедующих *Нет бога кроме Бога* не бывает могильной теснины. Это правда?» Сахл сказал: «Правда!»

## Литература


Августин 2008 — *Августин Аврелий*. Исповедь / Пер. с лат. М. Е. Сергеенко. М.: Азбука-Классика, 2008.

ИЭС — Ислам: Энцикл. словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991.

Кныш 2004 — *Кныш А. Д*. Мусульманский мистицизм: краткая история. М.; СПб.: Диля, 2004.

Коран — Коран / Пер. с араб. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука, 1986.

Пиотровский 1991 — *Пиотровский М. Б*. Коранические сказания. М.: Наука, 1991.

Рейснер, Чалисова 1998 — *Рейснер М. Л., Чалисова Н. Ю*. «Я есмь Истинный Бог»: образ старца Халладжа в лирике и житийной прозе ʻАттара // Семантика образа в литературах Востока. М.: Вост. лит. 1998. С. 121–158.

Руми 2007 — *Джалал ад-дин Руми*. Маснави-йи маʻнави. «Поэма о скрытом смысле». Первый дафтар / Пер. с перс. О. Ф. Акимушкина и др.; общ. и науч. ред., указатели А. А. Хисматулина. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2007.

Трамингэм 1989 — *Трамингэм Дж. С*. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. А. Ставиской. М.: Наука, 1989.


[83] Слова свидетельства (*kalima-i šahādat*) — формула «Свидетельствую, что нет бога кроме Бога, и свидетельствую, что Мухаммад — посланник Бога!».

[84] См.: [Худжвири 2004: 322], приведен вариант этого рассказа, имя передатчика дано в форме Абу Талха ал-Малики; М. Эстеʻлами отмечает, что сведения об Абу Талха в источниках отсутствуют.

[85] Другой рассказ об обстоятельствах кончины Сахла Тустари приведен у ʻАттара в «Поминании ʻАбдаллаха б. ал-Мубарака»: «Рассказывают, что Сахл ʻАбдаллах постоянно приходил на занятия к ʻАбдаллаху. Однажды он вышел [оттуда] и сказал: “Я больше не приду к тебе на занятия, потому как сегодня твои рабыни взошли на крышу, позвали меня к себе и говорили “о мой Сахл, о мой Сахл”. Почему ты не наказываешь их?” ʻАбдаллах сказал своим последователям: “Будьте готовы, мы будем молиться над телом Сахла!” Сахл тотчас скончался, и они помолились над ним. Потом сказали: “О шейх! Как ты узнал?” Он сказал: “Те, кто звал его, были гуриями. У меня нет никаких рабынь”» [ʻAṭṭār 2007: 188].

Худжвири 2004 — *Аль-Худжвири.* Раскрытие скрытого. Старейший персидский трактат по суфизму / Пер. А. Орлова, с англ. пер. Р. Николсона; Науч. ред. рус. пер. Н. И. Пригарина. М.: Единство, 2004.

Шиммель 1999 — *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раппопорт. М.: Алетейа; Энигма. 1999.

‘Aṭṭār 2007 — *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nišābūrī.* Taẕkiratu-l-awliyā’ / Barrasī, taṣḥīḥ-i matn, tawżīḥāt va fahāris: duktur Muḥammad Isti‘lāmī. 16th ed. Tehran: Zavvar, 1386/2007.

Böwering 1980 — *Böwering G.* The mystical vision of existence in classical Islam: The Qur’anic hermeneutics of the Sufi Sahl al-Tustarī (d. 283/896). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1980.

Dihxudā 1993 — *Dihxudā A. A.* Luġat-nāma (čāp-i avval az dawra-yi jadīd). Jild-i 1–14. Tehran: Tehran Univ. Publications, 1372/1993.

EI$^2$ — Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol. 1–13. Leiden: E. J. Brill, 1986–2005.

Gaafar 1966 — *Gaafar M. K. I.* The Sufi doctrine of Sahl al-Tustarī, with a critical edition of his *Risālat al-ḥurūf’*: PhD thesis / Cambridge University. Cambridge, 1966.

Ganjūr — Ganjūr. Āṯār-i suxansarāyān-i pārsīgū. URL: http://ganjoor.net.

Tunç 1970 — *Tunç C.* Sahl b. ‘Abd Allāh at-Tustārī und die Sālimīya: PhD diss. / Univ. of Bonn. Bonn, 1970.

Tustarī 1980 — *Sahl b. ‘Abd Allāh al-Tustarī.* al-Mu‘āraḍa wa ‘l-radd ‘alā ahl al-firāq wa-ahl al-da‘wā fī ‘l-ahwāl / Publ. by M. K. Gaafer. [Cairo], 1980.

Tustarī 2011 — *Sahl b. ‘Abd Allāh al-Tustarī.* Tafsīr al-Tustarī (Great commentaries of the holy Qur’an) / Royal Aal al-Bayt Institute for Islamic Thought; Transl. [from Arabic into English] by A. Keeler and A. Keeler. Louisville, Ky.: Fons Vitae.

Zakeri 2012 — *Zakeri M. Javānmardi // Encyclopaedia Iranica Online*. [New York]: Columbia Univ. Center for Iranian Studies, 1996–. *2012. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/javanmardi.*

## “My strength comes from hunger and my weakness from satiety”: The narrative of Sahl of Tustar

**Chalisova, Natalia Iu.**
*PhD (Candidate of Science in Philology)*
*Senior Researcher, Laboratory of Oriental Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*
*Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82*
*Тел. +7 (499) 956-96-47*
*E-mail: chalisova@hotmail.com*

***Abstract***. The present publication includes a Russian translation of the 28th chapter from ‘Attar’s hagiographic collection, *Memorial of God’s friends* (*Taẕkiratu’l-awliyā*). The hero of this chapter, Sahl of Tustar (d. 896), was a Qur’an commentator and a Sufi sheik affiliated both with Sufi and Islamic Law circles of 9th century Basra. The first translation of this text into Russian from the Persian original (in M. Este‘lami’s critical edition), supplied with historical and philological commentary,

is prefaced by a concise introduction that provides basic data on Tustari's life, teachings and works in Arabic. It is noted that although 'Attar constructed his narrative by borrowing mostly from Arabic sources, his Persian portrait of Sahl looks different. 'Attar's narration is an account of self-sacrificing deeds of a Sufi man of faith as well as an account of his homiletic sayings on the benefits of penitence, hunger and trust in God; Tustari's achievements in esoteric interpretation of the Qu'ran are barely mentioned.

***Keywords***: Iran, Islam, Sufism, hagiography, Farid ad-Din 'Attar

## References

'Aṭṭār Nišābūrī, Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad (1386/2007). *Taẕkiratu-l-awliyā'* [Memorial of God's friends] (Dr. M. Este'lami, Ed. of the text, Comment. and Indices) (16th ed.). Tehran: Zavvar. (In Persian).

Avgustin Avrelii (2008). *Ispoved'* [Confessions (by Aurelius Augustine)] (M. E. Sergeenko, Transl. from Latin). Moscow: Azbuka-Klassica. (In Russian).

Böwering, G. (1980). *The mystical vision of existence in classical Islam: The Qur'anic hermeneutics of the Sufi Sahl al-Tustarī (d. 283/896)*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Dihxudā, A. A. (1372/1993) *Luġat-nāma (čāp-i avval az dawra-yi jadīd)* [Encyclopaedic dictionary (first ed. of the new version)] (Vols. 1–14). Tehran: Tehran Univ. Publications. (In Persian).

*Encyclopaedia of Islam* (New ed., Vols. 1–13). Leiden: E. J. Brill.

Gaafar, M. K. I. (1966). *The Sufi doctrine of Sahl al-Tustarī*, with a critical edition of his *Risālat al-ḥurūf'*: PhD thesis. Cambridge: Cambridge University.

*Ganjūr. Āṯār-i suxansarāyān-i pārsīgū* [The works of Persian-speaking poets]. Retrieved from http://ganjoor.net. (In Persian).

Al'-Khudzhviri (2004). *Raskrytie skrytogo. Stareishii persidskii traktat po sufizmu* [The Revelation of the veiled. The oldest Persian treatise on Sufism, by Al-Hujwiri] (A. Orlov, Transl. from R. Nicholson's English translation, 1936) (N. I. Prigarina, Academic ed. of the Russian translation). Moscow: Edinstvo. (In Russian).

Knysh, A. D. (2004). *Musul'manskii mistitsizm: kratkaia istoriia* [Islamic mysticism: A short history]. Moscow; St. Petersburg: Dilia. (In Russian).

*Koran* (1986) [Quran] (2nd ed.) (I. Iu. Krachkovskii, Transl. from Arabic and Comment.) Moscow: Nauka. (In Russian).

Piotrovskii, M. B. (1991). *Koranicheskie skazaniia* [Quranic stories]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Prozorov, S. M. (Compl. and Ed.) (1991). *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. An encyclopedic dictionary]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Reisner, M. L., Chalisova, N. Iu. (1998). "Ia esm' Istinnyi Bog": obraz startsa Khalladzha v lirike i zhitiinoi proze Attara ["I am the True God": The image of elder Hallaj in Attar's lyri-

cal poetry and hagiographic prose]. In *Semantika obraza v literaturakh Vostoka* [Semantics of the image in literatures of the East], 121–158. Moscow: Vostochnaia literatura RAN. (In Russian).

Rumi, Dzhalal ad-din (2007). *Masnavi-ii ma'navi. "Poema o skrytom smysle"* Pervyi daftar [Masnavi-yi ma'navi. "A poem about the hidden meaning". The first daftar] (O. F. Akimushkin et al., Transl. from Persian) (A. A. Khismatulin, Ed.). St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedeniye. (In Russian).

Shimmel', A. (1999). *Mir islamskogo mistitsizma* (Transl. by A. S. Rapoport and N. I. Prigarina from: Schimmel, A. (1975). *Mystical dimensions of Islam*. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press). Moscow: Aleteia: Enigma. (In Russian).

Trimingem, Dzh. S. (1989). *Sufiiskie ordeny v islame* (Transl. by A. Stavisskaia from: Trimingham, J. S. (1971). *The Sufi orders in Islam*. Oxford: Clarendon Press). Moscow: Nauka. (In Russian).

Tunç, C. (1970). *Sahl b. 'Abd Allāh at-Tustarī und die Sālimīya*: PhD diss. Bonn: Univ. of Bonn. (In German).

al-Tustarī, Sahl b. 'Abd Allāh (1980). *al-Mu'āraḍa wa 'l-radd 'alā ahl al-firāq wa-ahl al-da'wā fī 'l-ahwāl* [Remonstrance and refutation of the people of factions and of the people of pretensions concerning mystical states'] (M. K. Gaafer, Publ.). [Cairo]. (In Arabic).

al-Tustarī, Sahl b. 'Abd Allāh (2011). *Tafsīr al-Tustarī* (Great commentaries of the holy Qur'an) (A. Keeler and A. Keeler, Trans. from Arabic into English)] Louisville, Ky.: Fons Vitae.

Zakeri, M. (2012). *Javānmardi. Encyclopaedia Iranica Online.* [New York]: Columbia Univ. Center for Iranian Studies. Retrieved from *http://www.iranicaonline.org/articles/javanmardi.*

Chalisova, N. Iu. (2016). "My strength comes from hunger and my weakness from satiety": The narrative of Sahl of Tustar. *Shagi / Steps, 2*(2–3), 258–279